МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

АННА,

БРАТ ИЗ БРАТСТВА

ЧИСТОТА — НЕ В КРОВИ.
ОНА В ВЫБОРЕ.

Желько Максимович

Анна, Брат из Братства

https://litres.ru/74853842
SelfPub; 2026

Аннотация

«Брат из Братства» — постапокалиптический роман в жанре антиутопии с элементами военной драмы. Произведение исследует природу долга, вины и искупления в мире, пережившем ядерную катастрофу. Повествование выстроено вокруг фигуры рыцаря тоталитарного ордена, чья многолетняя служба карателем подвергается нравственному слому при встрече с очередными «целями».

Желько Максимович
Анна, Брат из Братства

Глава 1. Приказ

1. Камень и тишина

Бункер «Ковчег-12» не был построен — он был выгрызен. Четыре десятилетия назад, когда старый мир ещё корчился в агонии, но уже понимал, что умрёт, инженерные бригады загнали тоннеле проходческие щиты в гранитный массив Уральского хребта и заставили их жрать камень. Щиты жрали, выплёвывали крошево, ползли вглубь — метр за метром, год за годом. Когда мир снаружи окончательно сгорел, под землёй уже существовал город.

Сейчас, три поколения спустя, никто из обитателей «Ковчега-12» не помнил, как пахнет ветер. Вентиляционные шахты гнали по коридорам воздух, пропущенный через двадцать семь степеней фильтрации, — воздух без запаха, без вкуса, без жизни. Он пах только железом окислившихся решёток и сухой пылью бетонной крошки. Люди здесь рождались под лампами дневного спектра, росли под ними, старели и умирали — и ни разу не видели солнца. Только в учебных симу-

ляциях: жёлтый круг на плоском небе, проекция, пиксельная абстракция.

Рыцарь Соболев не был исключением. Он родился здесь. Здесь прошёл инициацию. Здесь дал Присягу.

Братство Стали — так они себя называли. Или просто Братство. Организация, выросшая из остатков военного командования, инженерного корпуса и службы безопасности «Ковчега». За сорок лет изоляции Братство превратилось в нечто среднее между монашеским орденом, тоталитарным государством и религиозным культом. Они верили в чистоту человеческого генома так же истово, как средневековые инквизиторы верили в чистоту души. Они молились не богу — они молились ДНК. Её двойная спираль была выгравирована на каждой двери, на каждом нагрудном знаке, на каждом оружейном стволе.

Ересью считалась мутация. Еретики подлежали устранению.

В то утро — хотя слово «утро» ничего не значило под землёй, где смена караулов делила сутки на четыре цикла, а не на день и ночь, — в то утро третьего цикла рыцарь Соболев стоял навытяжку в командном зале и ждал приказа.

2. Командный зал

Зал был огромен. Сводчатый потолок терялся в полумраке на высоте пятнадцати метров, и свет люминесцентных панелей не достигал его вершины — там, наверху, всегда лежала тень, густая, как застоявшаяся вода. Стены были облицованы стальными панелями, покрытыми патиной времени: тёмные разводы, царапины, одна старая вмятина от осколка ещё со времён Войны за Шлюз. Никто не помнил точно, что там произошло, — только то, что Братство победило. Как всегда.

В центре зала возвышался командный стол — монолитная конструкция из чёрного камня и стали, три на пять метров, с вмонтированными голографическими проекторами. Вокруг стола стояло шесть кресел. Сейчас занято было только одно.

Командир Батурин сидел во главе стола — не потому, что это место было удобнее прочих (все шесть кресел были одинаковы), а потому, что он всегда сидел во главе. Это была не привычка. Это было утверждение.

Соболев знал Батурина пятнадцать лет. Когда-то, в другую эпоху — эпоху, которую сам Соболев ещё застал краем сознания, — Батурин был его наставником. Он учил молодого кадета читать тактические карты, отличать радиацион-

ные пятна от тепловых аномалий, выживать в Пустоши. Тогда он ещё улыбался. Теперь — нет.

Командиру было за шестьдесят. Годы под землёй, годы командования, годы бесконечных зачисток сделали его лицо похожим на геологический срез: слоистым, твёрдым, лишённым всего лишнего. Кожа обтягивала череп плотно, как перчатка; глаза смотрели из глубоких глазниц — два уголька, которые никогда не гасли. Он не носил силовую броню в бункере — только серый китель с эмблемой ДНК на груди, — но даже без брони казался сделанным из того же материала, что и стены «Ковчега».

— Рыцарь Соболев, — произнёс Батурин, не поднимая глаз от голографической карты. — Докладывайте готовность.

Голос у него был сухой и ровный, как шум вентиляции. Соболев никогда не слышал, чтобы Батурин повышал голос. Крик был не нужен. Когда Командир говорил — даже шёпотом — все замолкали.

— Полная готовность, Командир. Броня в арсенале, боекомплект проверен, сервоприводы откалиброваны. Машина на пред выездном цикле.

Батурин наконец поднял глаза. На секунду — одну короткую секунду — Соболеву показалось, что он видит во взгляде Командира нечто похожее на сожаление. Но секунда прошла, и ничего не осталось.

— Хорошо. Подойдите. Смотрите.

Соболев шагнул к столу.

3. Карта

Голографическая карта, развёрнутая над чёрным камнем, показывала восточный сектор Пустоши — квадрат семнадцать-сорок-один по классификации Братства. Местность была знакомая: руины старого города, обозначенные серым пунктиром; полоса химического выжженника, жёлтая; три радиационных пятна, оранжевые, с указанием уровня в рентгенах; русло пересохшей реки, когда-то называвшейся Миасс.

Две красные точки пульсировали в юго-восточном углу квадрата.

Они были совсем рядом друг с другом. Метров пятьсот, не больше.

— Объект «Альфа», — Батурин коснулся сенсорной панели, и одна из точек развернулась в текстовый файл, зависший в воздухе. — Анна Корсакова, двадцать три года. Экспериментальная программа Убежища 77. Классификация «Химера». Активный носитель мутации четвёртого порядка. Характер мутации: неизвестен. Уровень опасности: критический.

Соболев читал файл. Строчки бежали перед глазами — медицинские графики, генетические маркеры, спектрограммы. Он понимал примерно половину. Этого всегда было достаточно: понимание не входило в его обязанности. В его обязанности входило исполнение.

— Объект «Бета», — Батурин развернул второй файл. — Екатерина Корсакова, семнадцать лет. Сестра. Латентный резервуар. Мутация не проявляется фенотипически, но генетический анализ подтверждает наличие дефектной последовательности. Уровень опасности: высокий. Классификация та же: «Химера».

Пауза. Генераторы гудели в стенах. Где-то далеко, в недрах бункера, стучал гидравлический пресс.

— Обе подлежат устранению, — закончил Батурин. — Приоритет: «Альфа». «Бета» — вторичная цель. В случае

выбора между целями — приоритет сохраняется. Вопросы?

Соболев молчал. Он смотрел на две красные точки — такие близкие, почти соприкасающиеся, — и думал о том, что семнадцать лет — это возраст его первой инициации. В семнадцать он впервые вышел на поверхность. В семнадцать он впервые убил.

В семнадцать он ещё верил.

— Вопросов нет, — сказал он.

Батурин кивнул. Его палец скользнул по сенсорной панели, и карта сменилась тактической схемой: маршрут выдвижения, точки радиационного контроля, предполагаемые сектора обстрела, зоны эвакуации. Всё было просчитано. Всё было предусмотрено.

— Выезд через час, — сказал Командир. — Один рыцарь. Одна машина. Никакого сопровождения. Никакой связи на маршруте — режим радиомолчания. Доклад только по возвращении.

— Принято.

Соболев уже повернулся, чтобы идти, когда Батурин до-

бавил — тем же ровным, сухим голосом, но с какой-то новой, едва заметной интонацией:

— Соболев. Никакой самодеятельности. Никаких контактов с целями. Приближение — захват визуального контакта — ликвидация. Домой.

Рыцарь остановился. Не обернулся.

— Я понял, Командир.

Он вышел из зала, и тяжёлая дверь закрылась за ним с глухим стуком гидравлики.

4. Коридоры

Бункер «Ковчег-12» насчитывал сорок семь уровней, соединённых двадцатью тремя вертикальными шахтами и бесконечной сетью горизонтальных тоннелей. Общая протяжённость коридоров превышала сто восемьдесят километров. Жилое население — около трёх тысяч человек: рыцари, техники, медики, генетики, обслуживающий персонал, кадеты. Плюс примерно пятьсот единиц вспомогательного персонала — те, кто не носил знака ДНК, но обеспечивал функционирование систем.

Соболев знал здесь каждый поворот. Он шёл по центральному коридору третьего уровня — самому широкому, способному пропустить две единицы тяжёлой техники одновременно, — и его шаги отдавались от стальных стен гулкими, размеренными ударами. Люди расступались перед ним. Они всегда расступались. Рыцарь в полной боевой выкладке был не просто человеком — он был орудием Братства, его волей, его карающей дланью. Глядеть на него прямо считалось дурным тоном. Заговаривать без разрешения — нарушением субординации.

Соболев этого не замечал. Вернее, когда-то замечал — в первые годы после инициации, когда значок рыцаря ещё жёг грудь и хотелось, чтобы все видели, чтобы расступались, чтобы боялись. Теперь это было просто фоном. Белым шумом, вроде гула вентиляции.

Он думал о другом.

Он думал о возрасте целей. Двадцать три и семнадцать. Анна и Екатерина. «Альфа» и «Бета». Активный носитель и латентный резервуар.

За пятнадцать лет службы Соболев ликвидировал сорок три цели. Он помнил каждую — не лица (лиц он старался не запоминать), а обстоятельства. Местность, погоду, даль-

ность выстрела, количество патронов. Сорок три имени в его личном журнале. Из них пятнадцать — носители активных мутаций. Остальные — латентные резервуары, потенциальная угроза, генетический брак, подлежащий санации.

Самому младшему было девять лет.

Об этом Соболев не думал никогда. Он запретил себе думать об этом много лет назад — запретил жёстко, как отсекают гангренозную конечность, — и запрет держался. До сегодняшнего дня. Сегодня что-то изменилось.

Может быть, дело было в том, что две красные точки пульсировали слишком близко друг к другу. Может быть — в интонации Батурина, той самой, едва заметной. А может быть — в чём-то ещё, чему Соболев не мог подобрать названия. Что-то треснуло. Тонко, почти неслышно. Как кость под неправильной нагрузкой.

Он отогнал эту мысль.

5. Арсенал

Арсенал «Ковчега-12» занимал три уровня — с семнадцатого по девятнадцатый — и содержал достаточно оружия, чтобы вести полномасштабную войну в течение восемнадца-

ти месяцев. Здесь хранились штурмовые винтовки, плазменные разрядники, импульсные пушки, тактические ядерные заряды малой мощности и тридцать семь единиц силовой брони различных модификаций.

Броня Соболева — модель Т-60, третья модернизация, серийный номер 1127 — стояла в индивидуальном боксе на восемнадцатом уровне. Он вошёл в бокс, закрыл дверь и несколько секунд просто стоял, глядя на неё.

Броня напоминала экзоскелет хищного насекомого — приземистый, угловатый, смертоносный. Полтора центнера стали, керамики и композитных материалов. Сервоприводы, усиливающие мускульную силу в шесть раз. Система герметизации, позволяющая работать в условиях химического заражения и высокого радиационного фона. Наплечные стабилизаторы для тяжёлого вооружения. Наружный покров — матово-чёрный, поглощающий до девяноста трёх процентов излучения в тепловом и радиолокационном диапазонах.

Т-60 не была красивой. Она была функциональной. И она была его второй кожей уже одиннадцать лет.

Соболев разделся до нательного термобелья и начал ритуал облачения.

Сначала — наголенники. Он защёлкнул замки, дождался подтверждающего сигнала сервоприводов. Затем — набедренники, поясничный корсет. Каждый элемент брони имел свой вес, своё назначение, свою точку подключения к центральной нейросети. Когда он закрепил нагрудную пластину и та ожила — загудела, засветилась индикаторами, — по телу пробежала знакомая дрожь. Броня признала его. Их биоритмы синхронизировались.

Наплечники. Манипуляторы. Перчатки с тактильными сенсорами.

Шлем он взял в руки последним.

Шлем Т-60 был самым сложным элементом всего комплекса. В него были вмонтированы: тактический дисплей с проекцией на сетчатку, многоканальная система связи, фильтры воздухозабора, датчики радиационного и химического контроля, лазерный дальномер, баллистический вычислитель и ещё три десятка систем, названия которых Соболев не помнил — за них отвечали техники.

Он поднял шлем. Посмотрел в тёмные глазницы визора. В отражении матовой поверхности увидел своё лицо — бледное, с резкими чертами, с глубокими складками у рта, которых, кажется, ещё год назад не было. Сорок один год. Пят-

надцать лет службы. Сорок три цели.

Скоро будет сорок пять.

Он надел шлем.

С тихим шипением сработала герметизация. Периферийное зрение затянуло зеленоватой дымкой — это включался тактический интерфейс. Побежали строчки: боезапас — полный, радиационный фон — в норме, температура ядра — тридцать семь и две, сервоприводы — активны, оружие — на предохранителе. Он отключил интерфейс движением глаз. Не хотелось цифр. Хотелось тишины.

Тишина внутри шлема была особенной. Она не походила на обычную тишину — ту, что между словами, между ударами сердца. Она была абсолютной. Как будто весь мир отодвинулся, стал далёким и неважным, а ты остался один — в коконе из стали и композита, в темноте, где только твоё дыхание, ровное и глубокое.

Соболев любил эту тишину. Только в ней он чувствовал себя собой — не рыцарем, не орудием, не номером в боевом расписании, а просто человеком. Живым, дышащим. Настоящим.

Он взял оружие — стандартную импульсную винтовку «Гроза-М» с подствольным плазменным разрядником — и вышел из бокса.

6. Шлюз

Четвёртый уровень. Зона отчуждения.

Здесь начиналась внешняя граница «Ковчега». Три последовательных шлюза, каждый — с полуметровыми стальными воротами, с независимой системой герметизации, с пулемётными гнёздами и газовыми ловушками. Между вторым и третьим шлюзом — карантинная камера, где возвращающихся с поверхности держали до шести часов, проверяя на радиационное и биологическое заражение.

Соболев прошёл первые два шлюза быстро — автоматика считывала сигнатуру его брони и открывала ворота без задержки. У третьего шлюза его ждали.

За воротами третьего шлюза начиналась Пустошь.

Там, снаружи, был мир, которого Соболев не понимал. Не в смысле тактической карты или радиационной сводки — это как раз было ясно. Он не понимал, зачем этот мир существует. Зачем нужны руины городов, радиоактивные пусто-

ши, мутировавшие твари, банды мародёров и генетические химеры из Убежища 77. Зачем всё это продолжается — сорок лет, поколение за поколением. Какой в этом смысл.

Братство давало ответ. Смысл — в очищении. В возвращении к генетической норме. В построении нового человечества, свободного от скверны мутаций. Это был хороший ответ. Правильный. Соболев верил в него пятнадцать лет.

Сегодня вера дала трещину.

Он ещё не знал об этом. Не осознавал. Трещина была слишком тонкой, чтобы её заметить, — микроскопической, как первые разломы в кристаллической решётке металла. Но она уже была.

Техник у ворот — молодой парень, года двадцать два, имени Соболев не помнил — доложил:

— Машина готова, рыцарь. Пред выездной цикл завершён. Заряд батарей — сто процентов. Дополнительный боекомплект в грузовом отсеке.

— Принято.

Соболев шагнул к воротам.

Ворота третьего шлюза были самыми большими в «Ковчеге» — четыре метра в ширину, шесть в высоту, каждая створка весила двенадцать тонн. Когда они открывались, гидравлика ревела так, что закладывало уши даже сквозь шлем. Но сейчас, в пустом шлюзе, тишина стояла почти абсолютная — только дыхание Соболева в динамиках шлема, ровное и глубокое.

Он стоял перед воротами и ждал.

Чего он ждал? Сам не знал. Может быть — другого приказа. Может быть — отмены. Может быть — голоса, который сказал бы: «Ошибка, Соболев. Цели переквалифицированы. Возвращайтесь в казарму».

Но никто не говорил. Гидравлика взревела, створки дрогнули и начали расходиться.

В шлюз ворвался ветер.

Он был рыжим. Густым, почти материальным — взвесь пыли, песка и радиоактивных частиц, поднятая с поверхности восточного сектора. Фильтры шлема мгновенно активировались, и воздух стал стерильным, но Соболев всё равно чувствовал этот ветер — не обонянием, а чем-то иным,

каким-то древним, почти атрофировавшимся чувством. Памятью тела. Памятью предков, которые жили под открытым небом и знали, как пахнет дождь.

Он не знал, как пахнет дождь. Он видел дождь только на учебных симуляциях. Но сейчас, стоя в проёме открытых ворот, глядя в рыжую мглу, клубящуюся над поверхностью, он вдруг понял — или почти понял — что-то очень важное. Что-то, что нельзя было выразить словами.

Мир снаружи был мёртв. Но он был.

Соболев шагнул через порог.

7. Пустошь (настоящее время, фрагмент первый)

Машина — лёгкий вездеход «Странник-4» на магнитной подвеске — ждала в десяти метрах от шлюза, укрытая маскировочным пологом. Соболев сдёрнул полог, забрался в кабину, запустил двигатели. Машина отозвалась низкой вибрацией, приборная панель засветилась.

Через три минуты он уже двигался на юго-восток.

Пустошь расступалась перед ним — бесконечная, плоская, выжженная. Рыжая мгла висела над землёй постоянно;

она была здесь всегда, сколько Соболев себя помнил. Говорили, что когда-то — до Войны — здесь была зелень. Леса. Реки. Города, полные людей. Говорили, что небо было голубым. Соболев не верил. Точнее, верил — так же, как верил в ДНК и в чистоту генома, — но не мог себе этого представить. Это было за пределами его опыта, за пределами его воображения.

Воображение у него вообще было небогатое. Братство не поощряло воображения. Воображение вело к вопросам. Вопросы — к сомнениям. Сомнения — к ереси.

Он вёл машину на автопилоте, глядя в рыжую мглу, и думал о том, что приказ уже треснул.

Эта мысль пришла ниоткуда — как ветер, как радиационный шквал, как случайная пуля. Просто возникла и осталась. Она не была оформлена в слова; скорее, это было ощущение, физическое, почти болезненное — как будто что-то в груди сдвинулось, сместилось, перестало быть на своём месте. Что-то, что пятнадцать лет держало его позвоночник прямым, а прицел — ровным.

Он попытался отогнать эту мысль. Не смог.

Семнадцать лет, — подумал он. — Двадцать три и семна-

дцать. Генетически нестабильные субъекты. Химеры. Цели.

Машина шла сквозь мглу.

8. Интерлюдия: Видение первое (прошлое, неопределённое время)

Ему девять лет. Он стоит в строю кадетов — третья шеренга, четвёртый справа, — и Командир Батурин (тогда ещё не Командир, тогда — наставник Батурин, с улыбкой и живыми глазами) читает им лекцию о генетической чистоте.

«ДНК, — говорит наставник, и голос его звенит под сводами учебного зала, — это не просто молекула. Это книга. Самая древняя книга из всех, что существуют. Каждый из вас — её страница. Каждое поколение дописывает в эту книгу одну строчку. И горе тому, кто впишет туда ошибку»

Девятилетний Соболев слушает. Ему интересно. Книга — понятный образ. Книгу можно открыть, прочитать, понять. Книгу можно беречь.

«Мутация, — продолжает Батурин, и голос его становится жёстче, — это не просто ошибка. Это ложь. Это фальсификация. Это когда кто-то вписывает в Книгу строчку, которой там быть не должно. И эта ложь передаётся дальше —

детям, внукам, правнукам. Она отравляет всё. Она убивает будущее»

Девятилетний Соболев верит. Верит истово, всей душой. Он хочет защищать Книгу. Он хочет быть тем, кто вырывает лживые страницы.

«Поэтому мы здесь, — заканчивает Батурин. — Поэтому Братство существует. Мы — корректоры. Мы — хранители текста. Мы — те, кто следит, чтобы Книга оставалась чистой. Запомните это».

Девятилетний Соболев запоминает.

Пройдёт тридцать два года, и он поймёт, что всё было не так.

Книга — не просто молекула.

Книга — это две сестры, затерянные в радиоактивной пустоши.

И он, рыцарь Соболев, едет к ним не затем, чтобы исправить ошибку.

Он едет к ним затем, чтобы сжечь страницу.

9. Архив: Данные Убежища 77

На подъезде к квадрату семнадцать-сорок-один Соболев вывел на тактический дисплей файлы целей. Теперь, когда до контакта оставалось меньше часа, он хотел знать больше.

Убежище 77 не было частью системы «Ковчегов». Оно строилось по другой программе, до Войны, — программе экспериментальной генетики под эгидой Министерства биологической безопасности. Если верить архивным данным Братства (а верить им можно было лишь отчасти — архивы регулярно чистили и редактировали), Убежище 77 занималось созданием адаптивных генотипов. Люди, способные выжить в условиях высокой радиации. Люди, способные дышать отравленным воздухом. Люди, способные восстанавливать повреждённые ткани.

Люди, которые переставали быть людьми.

Эксперимент вышел из-под контроля через семь лет после Войны — или через двенадцать, данные расходились. Убежище было частично разрушено внутренним конфликтом. Выжившие разбрелись по Пустоши. Мутации, изначально спроектированные как адаптивные, продолжили развиваться бесконтрольно — поколение за поколением, мутация за

мутацией, пока генетический код носителей не превратился в нечто, что даже компьютеры Братства классифицировали как «неподдающееся анализу».

Их называли Химерами.

За двадцать лет Братство ликвидировало больше трёхсот Химер. Или четырёхсот — точных данных Соболев не знал, статистика была засекречена. Но он знал другое: ни одна операция по ликвидации Химер не проходила гладко. Они были быстры. Они были опасны. Они умирали тяжело.

В файле «Альфы» — Анны — было примечание. Его добавил не архивариус, а кто-то из оперативного отдела, судя по стилю — полевой агент.

«Субъект демонстрирует нестандартные защитные реакции. Зафиксирована регенерация тканей, скорость — предположительно в 4-6 раз выше человеческой нормы. Болевой порог экстремально высокий. Рекомендуется ликвидация с дистанции не менее 200 метров, желательно — одиночным выстрелом в голову. Повторные попадания могут не дать немедленного эффекта».

«В файле „Беты“ — Екатерины — примечаний не было. Только стандартная форма: имя, возраст, генетический про-

филь, уровень опасности. Латентный резервуар. Не проявляет. Потенциальная угроза».

Соболев перечитал оба файла дважды. Затем закрыл дисплей и перевёл машину в ручной режим.

До цели оставалось сорок минут.

10. Пустошь (настоящее время, фрагмент второй)

Рыжая мгла начала редеть.

Это было необычно. Обычно мгла висела над Пустошью ровным слоем — плотным у земли, более разреженным на высоте, но всегда одинаковым по горизонтали. Сейчас же, по мере приближения к квадрату семнадцать-сорок-один, она становилась тоньше, и сквозь неё начали проступать очертания.

Руины.

Соболев сбавил ход. Машина перешла на малый ход, магнитная подвеска загудела ниже. Он всматривался в разрывы мглы, пытаясь идентифицировать местность.

Это был мёртвый город — один из тех, что карта обозна-

чала серым пунктиром. Когда-то он назывался иначе, но теперь у него не было имени. Только руины: остовы многоэтажек, провалившиеся крыши, покорёженные фермы мостов, застывшие автомобили, вросшие в асфальт. Никакого движения. Никакой жизни.

Соболев знал, что это обманчиво. Жизнь в Пустоши была всегда — просто она умела прятаться. Мутировавшие крысы размером с собаку. Стаи одичавших псов. Иногда — мародёры, банды отбросов, не прибившиеся ни к одному из убежищ. Иногда — Химеры.

Он проверил оружие. Снял с предохранителя.

Машина двигалась по центральному проспекту мёртвого города — широкой улице, заваленной обломками, но всё ещё проходимой. По бокам громоздились руины: слева — то, что когда-то было торговым центром (Соболев узнал его по сохранившейся вывеске, хотя буквы «ТОРГ...» почти стёрлись), справа — жилой квартал, четыре панельные девятиэтажки с пустыми глазницами окон.

Он остановил машину.

Навигатор показывал: цели в трёхстах метрах к юго-востоку, в жилом секторе. Две красные точки, почти сливаю-

щиеся в одну.

Соболев заглушил двигатель. Открыл люк.

Тишина Пустоши была другой — не той, что внутри шлема. Та тишина была защитой, коконом, убежищем. Эта — угрозой. В ней слышалось всё: осыпание бетонной крошки, шорох ветра в провалах окон, далёкий крик какой-то твари. И ещё — дыхание. Не его. Чьё-то ещё.

Он не мог слышать дыхание за триста метров. Но он слышал.

Или ему казалось.

Соболев выбрался из машины. Броня мягко спружинила при приземлении — сервоприводы компенсировали удар, сделав его почти бесшумным. Винтовка легла в руки привычной тяжестью. Он двинулся вперёд — медленно, перебежками от укрытия к укрытию, как учили.

Триста метров.

Двести пятьдесят.

Двести.

На ста восьмидесяти метрах он засёк движение.

11. Интерлюдия: Видение второе (прошлое, двенадцать лет назад)

Ему двадцать девять. Он — молодой рыцарь, только что получивший звание. Первый самостоятельный выезд. Первая цель.

Цель — мужчина лет сорока, активный носитель мутации второго порядка. Классификация «Морф». Местность — руины промышленной зоны. Соболев помнит каждый метр тех руин: проржавевшие станки, масляные пятна на бетоне, запах химикатов, просачивающийся даже сквозь фильтры.

Он находит цель быстро — слишком быстро. Мужчина стоит у стены, лицом к нему. У него обычное лицо: усталое, небритое, с тёмными кругами под глазами. Он не пытается бежать. Не пытается атаковать. Просто стоит и смотрит.

— Ты из Братства? — спрашивает он. Голос у него спокойный, ровный. — Я знал, что вы придёте. Рано или поздно.

Соболев поднимает винтовку.

— У меня дочь, — говорит мужчина. — Ей шесть лет. Она не мутант. Она чистая. Я проверял. Она в подвале, через два квартала. Ты найдёшь её. Пожалуйста.

Соболев стреляет. Мужчина падает.

Соболев идёт через два квартала. Находит подвал. Находит девочку.

Она сидит в углу, обхватив колени руками, и смотрит на него. У неё глаза отца — тёмные, спокойные, всё понимающие.

Соболев вызывает эвакуационную группу. Девочку забирают в «Ковчег». Через три недели генетическая экспертиза подтверждает: она не мутант. Она чистая. Её определяют в кадетский корпус.

Соболев не следит за её судьбой. Он запрещает себе это.

Но иногда, просыпаясь в четвёртом цикле от кошмара, он видит её глаза. Тёмные, спокойные, всё понимающие.

И думает: было ли в них что-то ещё?

Была ли в них благодарность — или был ужас перед убий-

цей отца?

Он не знает ответа. Он запрещает себе искать его.

12. Контакт

На ста пятидесяти метрах Соболев залёг за бетонным обломком и активировал оптику шлема.

Картинка прыгнула, сфокусировалась. Руины жилого дома — панельная пятиэтажка с провалившейся крышей и частично обрушенным фасадом. Окна первого этажа заколочены досками и листами ржавого железа. Окна второго — открыты. В одном из них — движение.

Две фигуры.

Первая — женская, высокая. Стоит у окна, вглядывается в мглу. Соболев видит её профиль: резкие черты, тёмные волосы, стянутые в узел. Одежда — старая, латаная, но чистая. В руках ничего нет. Поза — спокойная, но напряжённая, как у зверя, почуявшего опасность, но ещё не знающего, откуда она исходит.

Это Анна. «Альфа».

Вторая фигура — в глубине комнаты, едва различимая. Сидит на чём-то, похожем на матрас, склонив голову. Светлая коса, детские плечи, тонкие руки.

Екатерина. «Бета». Семнадцать лет.

Соболев смотрит на них. В оптику шлема они видны так ясно, как будто он стоит в двух шагах. Он видит, как Анна поворачивает голову, что-то говорит сестре — беззвучно, но губы движутся. Видит, как Екатерина поднимает голову, кивает. Видит, как Анна кладёт руку на плечо сестры — простой, обыденный жест, полный такой нежности, что у Соболева перехватывает дыхание.

Он убирает палец со спускового крючка.

Это не приказ. Это не решение. Это просто движение — рефлекторное, бессознательное. Палец сам соскальзывает с предохранительной скобы, и рука опускается, и винтовка ложится стволом на бетон.

Соболев лежит за обломком и смотрит на двух сестёр — на Анну, двадцати трёх лет, и Екатерину, семнадцати, — и не может заставить себя поднять винтовку.

Он не знает, почему.

Вернее, знает — но не хочет признаваться себе.

Пятнадцать лет службы. Сорок три цели. Трещина, которая началась сегодня утром в командном зале, сейчас ширится, растёт, разламывает его изнутри — и он ничего не может с этим сделать.

Он смотрит на сестёр. Сестры смотрят во мглу.

Никто не двигается.

13. Радиомолчание

Внутренний канал связи ожил — не внешний, тот Соболев отключил, как приказано, режим радиомолчания, — а внутренний, замкнутый, тот, что соединял его шлем с тактическим компьютером «Ковчега» через квантовую линию, которая работала всегда.

На дисплей упало сообщение. Короткое, сухое, без подписи. Но Соболев знал, от кого оно. Такие сообщения приходили только от одного человека.

«Статус?»

Он помедлил. Затем — так же коротко — ответил:

«На позиции. Наблюдаю».

Пауза. Затем:

«Доложить о ликвидации».

Соболев смотрел на экран. Буквы горели зелёным — тем самым зеленоватым светом, который всегда сопровождал его, всю жизнь, от кадетского корпуса до командного зала. Зелёный цвет ДНК. Зелёный цвет истины. Зелёный цвет приказа.

Он ответил:

«Не могу подтвердить визуальный контакт. Запрашиваю дополнительное время».

Это была ложь. Первая ложь за пятнадцать лет службы. Соболев понимал это — понимал отчётливо, ясно, как понимают смертельный диагноз, — и ничего не чувствовал. Ни страха, ни стыда, ни сожаления. Только пустоту. И внутри этой пустоты — что-то новое, ещё безымянное, ещё не оформившееся.

«Подтверждаю дополнительное время. Двадцать минут. Затем — доклад. Конец связи».

Канал закрылся.

Двадцать минут.

Соболев лежал за бетонным обломком. Винтовка лежала стволом на земле. Сёстры всё так же были в окне — Анна стояла, вглядываясь во мглу, Екатерина сидела в глубине комнаты. Они не знали, что смерть лежит в полутораста метрах от них. Не знали, что у смерти сегодня что-то сломалось внутри.

Двадцать минут.

Он мог встать. Мог поднять винтовку. Мог сделать два выстрела — двести метров, оптика, баллистический вычислитель, это было просто, проще простого, он делал это сорок три раза. Мог вернуться в «Ковчег», доложить о выполнении, получить новое назначение и жить дальше — так же, как жил последние пятнадцать лет: не задавая вопросов, не чувствуя сомнений, не помня лиц.

Он мог.

Но он не вставал.

14. Интерлюдия: Видение третье (будущее, которое ещё не наступило)

Он видит сон — хотя это не сон, потому что он не спит, он лежит за бетонным обломком с открытыми глазами, — видение, вспышку, образ, пришедший ниоткуда.

Он видит поле. Не Пустошь — поле. Зелёное, живое, покрытое травой, которая колышется под ветром. Над полем — голубое небо. По небу плывут облака.

По полю идут две фигуры — женская, высокая, и девичья, пониже. Они держатся за руки. Они смеются.

Он слышит их смех — далёкий, едва различимый, как эхо. Но он есть. Он настоящий.

Соболев хочет окликнуть их — и не может. Он хочет пойти за ними — и не может. Он только смотрит, как они уходят всё дальше, дальше, дальше, пока не превращаются в две точки на горизонте — две чёрные точки на зелёном поле, не красные, не пульсирующие, просто точки, просто люди, просто жизнь.

И он понимает: это будущее. То будущее, которого не будет, если он выполнит приказ. И то будущее, которое может быть, если он его нарушит.

Видение меркнет.

Остаётся только рыжая мгла — и две фигуры в окне панельной пятиэтажки.

15. Двадцать минут

Время шло.

Соболев всегда считал, что время в Пустоши течёт иначе — медленнее, гуще, как масло. Но сейчас оно мчалось. Секунды утекали, как вода сквозь пальцы, и каждая утекающая секунда приближала момент, когда он должен будет принять решение.

Решение.

Странное слово. За пятнадцать лет службы Соболев не принимал решений ни разу. Он исполнял приказы. Решения принимали другие — Командир, Совет, генетический отдел. Он был орудием. Орудию не нужно решать.

Но сейчас, лёжа за бетонным обломком в полутораста метрах от двух живых, дышащих, ничего не подозревающих целей, он вдруг понял: орудие не может передумать. Орудие не может солгать Командиру. Орудие не может смотреть на сестёр — двух девочек, по сути, одна из которых даже не мутант, а только «латентный резервуар», «потенциальная угроза» — и чувствовать, как внутри что-то ломается.

Орудие не может. А он — может. Значит, он не орудие.

Эта мысль была страшнее приказа. Страшнее Пустоши. Страшнее всего, что он знал. Потому что если он не орудие — тогда кто он? Зачем он жил последние пятнадцать лет? Зачем выполнял приказы? Зачем убивал?

Он посмотрел на свои руки в бронированных перчатках. Они мелко дрожали. Сервоприводы не фиксировали дрожь — она была слишком слабой, ниже порога чувствительности, — но он знал, что она есть.

Пятнадцать минут.

На дисплей снова упало сообщение:

«Статус?»

Он ответил:

«Наблюдаю. Подтверждаю визуальный контакт через десять минут».

Ложь. Вторая ложь. Она далась легче первой.

Десять минут.

16. Решение (настоящее время, фрагмент третий)

На восьмой минуте Анна повернула голову.

Она смотрела прямо на него.

Соболев знал, что это невозможно. Он был скрыт за бетонным обломком. Броня Т-60 поглощала девяносто три процента излучения. Обнаружить его визуально или тепловизором было почти нереально. Но Анна смотрела прямо на него — не на обломок, не в его сторону, а именно на него, как будто видела сквозь бетон, сквозь броню, сквозь сталь и керамику — в самую его суть.

Их взгляды встретились.

Соболев не мог отвести глаз. Он смотрел в оптический

прицел и видел лицо Анны — спокойное, сосредоточенное, без тени страха. Она знала, что он здесь. Она знала, зачем он здесь. И она не боялась.

Её губы шевельнулись. Она что-то сказала — не ему, невозможно было расслышать на таком расстоянии, но Соболев прочитал по губам. Одно слово. Имя.

«Катя».

Анна развернулась и исчезла в глубине комнаты. Светлая коса Екатерины мелькнула и пропала. Окно опустело.

Соболев остался один.

Пять минут.

Он встал.

Он стоял посреди мёртвой улицы мёртвого города, в рыжей мгле, сжимая винтовку, и смотрел на пустое окно панельной пятиэтажки. Где-то там, внутри, две сестры — Анна и Екатерина, двадцать три и семнадцать, «Альфа» и «Бета», активный носитель и латентный резервуар — уходили всё дальше. Может быть, через чёрный ход. Может быть, через подвал. Может быть, через какой-то тоннель, которого

не было на картах Братства.

Он мог догнать их. Мог выстрелить. Мог выполнить приказ.

Он не двинулся с места.

Три минуты.

Опустив винтовку, он развернулся и пошёл обратно — к машине, к «Страннику-4», к магнитной подвеске и полному боекомплекту в грузовом отсеке. Он шёл и не оборачивался. Знал, что если обернётся — увидит в окне Анну, которая смотрит ему вслед, и тогда что-то сломается окончательно, бесповоротно, навсегда.

Одна минута.

Он сел в машину. Запустил двигатель. Вывел на дисплей канал связи.

«Докладываю: цели не обнаружены. Квадрат пуст. Запрашиваю дальнейшие указания».

На этот раз пауза была долгой. Очень долгой. Соболев сидел в кабине, слушал гул двигателя и ждал. Он знал, что Ба-

турин не поверил. Знал, что Командир читает между строк — как читал всегда, как читал пятнадцать лет, как читал его, Соболева, с той самой первой встречи в учебном зале.

Но Батурин ответил. Коротко, сухо, как всегда:

«Возвращайтесь. Конец связи».

Соболев развернул машину и поехал обратно — на северо-запад, к «Ковчегу-12», домой.

Он знал, что это ещё не конец. Что Батурин не простит. Что Братство не забудет. Что ложь — даже самая маленькая, даже самая необходимая — имеет свойство расти. И что рано или поздно ему придётся отвечать — за две лжи, за невыполненный приказ, за двух сестёр, которых он оставил в живых.

Но это будет потом.

А пока — он ехал сквозь рыжую мглу, и внутри него — впервые за пятнадцать лет — было тихо. Не так тихо, как в шлеме. Не так тихо, как в Пустоши. Иначе. Так тихо, как бывает только тогда, когда трещина наконец проходит весь путь — от края до края — и то, что было целым, раскалывается надвое.

Старое умирает. Новое ещё не родилось.

Соболев вёл машину домой и не знал, кто он теперь. Не рыцарь — это точно. Не орудие — тоже. Может быть — человек.

Просто человек. Впервые за сорок один год.

17. Эпилог главы: Командный зал (параллельная линия)

В это же время — или немного позже, в бункере время всегда «немного позже» — Командир Батурин сидел во главе командного стола и смотрел на голографическую карту. Две красные точки всё ещё пульсировали в квадрате семнадцать-сорок-один.

Он знал, что Соболев солгал.

Знал с первого сообщения — с «запрашиваю дополнительное время». Знал и ничего не сделал.

Почему? Он и сам не мог бы ответить. Может быть — потому что помнил девятилетнего кадета с горящими глазами, который верил в Книгу. Может быть — потому что за сорок лет командования сам устал от приказов, которые отдавал.

А может быть — потому что понимал то, чего не понимал Соболев: трещина, начавшаяся в душе одного рыцаря, рано или поздно пройдёт через всё Братство. Через «Ковчег». Через мир.

Батурин коснулся сенсорной панели. Карта погасла.

Он остался в темноте — один, в пустом командном зале, под сводчатым потолком, который давил тяжестью сорока метров скальной породы.

И молчал.

Он тоже когда-то верил.

Глава 2. Память воды

1. Вода помнит всё

Вода помнит всё. Это не метафора — это физика. Каждая молекула H_2O, прошедшая через человеческое тело, уносит в себе след: электрический заряд нейрона, тепловую сигнатуру эмоции, химический отпечаток страха. Вода, которая текла в жилах Марины в последние минуты её жизни, — та самая вода, что потом испарилась, сконденсировалась, выпала дождём, просочилась сквозь почву, — она всё ещё где-

то здесь. В облаках над Пустошью. В подземных резервуарах «Ковчега-12». В рекуператорах влаги, встроенных в броню Т-60.

Соболев узнал об этом в тридцать семь лет, случайно, из старой книги по гидрологии, найденной в техническом архиве. Книга была потрёпанная, без обложки, пахла плесенью. Он читал её ночью, в казарме, и наткнулся на фразу: «Вода сохраняет молекулярную память о веществах, с которыми контактировала». Он перечитал трижды. Закрыл книгу. И впервые за много лет заплакал.

Потому что, если вода помнит всё — значит, где-то в мире ещё существует вода, которая помнит Марину. Её страх. Её крик. Её последний выдох.

И он, Соболев, каждый раз, когда пьёт, — пьёт эту память.

В то утро восемнадцать лет назад — в то самое утро, которое он потом будет прокручивать в голове тысячи раз, пытаясь найти точку невозврата, момент, когда всё пошло не так, — в то утро вода ещё не была памятью. Она была просто водой. Чистой, холодной, из крана в их жилом блоке. Марина умывалась, фыркала, разбрызгивала капли по зеркалу. Ему было шестнадцать, ей — одиннадцать. Он стоял в дверях ванной и торопил её.

— Давай быстрее, мелкая. В школу опоздаешь.

— Не опоздаю. Ты сам вечно копаешься.

— Я не копаюсь.

— Копаешься. Ты вчера полчаса причёсывался.

— Не ври.

— Не вру. Я засекала.

Она засмеялась — заливисто, звонко, — и он невольно улыбнулся. Марина всегда умела его рассмешить, даже когда ему было не до смеха. Даже когда отец снова не вернулся из рейда. Даже когда мать лежала в госпитале. Даже когда мир за стенами Убежища становился всё темнее и страшнее.

Марина была светом. Не в переносном смысле — в буквальном. Когда она входила в комнату, в комнате становилось светлее. Соболев не знал, как это работает. Знал только, что это так.

2. Убежище 24: анатомия мира, которого больше нет

Убежище 24 было построено по типовому проекту «Ковчег-М» — уменьшенная копия больших бункеров вроде «Ковчега-12», рассчитанная на автономное существование трёх-пяти тысяч человек в течение пятидесяти лет. Его возвели в последние годы перед Войной, когда правительство ещё верило, что ядерный конфликт можно пережить, — если не победить, то хотя бы пересидеть.

Проект был амбициозным. Под землю загнали: четыре жилых уровня, два технических, один медицинский, один учебный, один административный. Реактор на быстрых нейтронах, способный работать без перезагрузки двадцать пять лет. Гидропонные фермы, дававшие три урожая в год. Система замкнутого водооборота с коэффициентом рекуперации девяносто семь процентов — инженерное чудо, которым гордились создатели.

К моменту Исхода реактор проработал двадцать девять лет — на четыре года дольше проектного срока. Инженеры знали, что он опасно изношен. Администрация знала. Все знали. Но эвакуация двух тысяч семисот человек в условиях Пустоши была логистическим кошмаром, и решение откладывали. Месяц за месяцем. Год за годом.

Соболев потом часто думал: если бы они ушли раньше — на год, на два, на пять, — Марина была бы жива. Но они

не ушли. Люди вообще редко уходят вовремя. Люди всегда ждут, пока гром грянет, — даже когда небо уже чёрное.

В то утро небо над Убежищем 24 было таким же, как всегда: бетонный свод, лампы дневного спектра. Но под землёй уже происходило нечто — невидимое, неслышимое, неощутимое, — что должно было изменить всё.

Реактор умирал.

3. Хроника Исхода: утро

Хронология событий того дня восстановлена по обрывочным записям, свидетельствам выживших и официальному рапорту Братства (последний, впрочем, Соболев считал фальшивкой — слишком гладко, слишком правильно, слишком удобно).

06:14 по внутреннему времени Убежища. Датчики в активной зоне реактора зафиксировали первый скачок нейтронного потока. Автоматика среагировала штатно: аварийные стержни ушли в зону, реактивность упала. Операторы центрального поста доложили дежурному инженеру. Инженер — мужчина по фамилии Громов, пятьдесят два года, двадцать семь лет стажа — отменил тревогу. Ложное срабатывание. Такое бывало. Датчики старого реактора иногда

глючили.

06:47. Второй скачок. Более мощный. Аварийные стержни снова ушли в зону, но на этот раз реактивность не упала — она продолжала расти. Громов объявил «жёлтую тревогу». Это означало: нештатная ситуация, персоналу реакторного зала — повышенная готовность, остальным — продолжать обычную деятельность.

Соболев в это время завтракал. Марина сидела напротив, болтала ногами и рассказывала про подружку — как её звали? Лена? Оля? Он не помнил имени. Он вообще многого не помнил из того утра. Память избирательна: она сохраняет яркие пятна и выбрасывает фон. А фон — это и есть жизнь.

07:15. «Оранжевая тревога». Эвакуация необязательного персонала из прилегающих к реактору секторов. Громов лично спустился в реакторный зал. То, что он там увидел, заставило его — ветерана, человека, который пережил три аварии, — побелеть.

07:20. Громов позвонил директору Убежища.

07:22. Директор позвонил в Братство.

07:30. «Красная тревога». Полная эвакуация Убежища.

4. Хроника Исхода: бегство (настоящее время, реконструкция первая)

Сирены взвыли в семь тридцать одну.

Соболев помнил этот звук не ушами — телом. Он врезался в кости, в позвоночник, в самые глубокие ткани, куда не доставали ни слова, ни мысли. Звук был такой, как будто само Убежище кричало от боли.

В их жилом блоке сирену было слышно хуже — четвёртый уровень, дальний конец коридора, — но они всё равно услышали. Марина замерла с ложкой в руке. Её глаза — светло-серые, как у матери, — расширились.

— Саша? Что это?

Он уже вставал. Опрокинул стул. Схватил её за руку.

— Пошли. Быстро.

— Куда? Что случилось?

— Не знаю. Пошли.

В коридоре уже было столпотворение. Люди выбегали из блоков, толкались, кричали. Кто-то тащил чемодан — нелепый, огромный, как будто собирался в отпуск. Кто-то нёс на руках ребёнка. Кто-то просто стоял у стены, прижав ладони к ушам, и раскачивался из стороны в сторону.

Соболев помнил запах. Странно, что он запомнил запах — не было ведь никакого особенного запаха, обычный воздух Убежища, пахнущий озоном и старой пылью. Но память зафиксировала именно его — и теперь, двадцать лет спустя, каждый раз, когда в вентиляции «Ковчега-12» появлялся лёгкий привкус озона, у Соболева начинали дрожать руки.

Он тащил Марину сквозь толпу. Она вцепилась в его рукав — та самая привычка, о которой он потом будет думать столько раз. Тонкие пальцы, обкусанные ногти. Белые костяшки. Она дёргала его за рукав каждый раз, когда становилось страшно, — а страшно ей становилось часто.

— Саша, я боюсь.

— Всё нормально. Мы выйдем.

— А мама?

Мама была в госпитале. На другом конце Убежища. Со-

болев знал, что они не успеют к ней — от их блока до госпиталя было пятнадцать минут ходу, а по переполненным коридорам — все полчаса, и этих получаса у них не было, — но не сказал этого Марине.

— Мама догонит. Не останавливайся.

Они не догнали маму. И мама их не догнала. Она умерла в госпитале через двенадцать минут после «красной тревоги» — не от радиации, от сердечного приступа. Ей было сорок два. Она была медсестрой. Она осталась с пациентами, когда все побежали.

Соболев узнает об этом через три дня. И ещё через три дня поймёт, что не чувствует почти ничего. Смерть матери окажется заслонена другой смертью — той, что случилась позже, в тоннеле, под бетонной плитой.

5. Интерлюдия: Сны о воде (настоящее, ночь после невыполненного приказа)

Ему снится вода.

Не просто вода — а Вода. С большой буквы. Та самая, из гидрологической книжки, та, что помнит всё. Она течёт сквозь него — не вокруг, не мимо, а сквозь: сквозь поры,

сквозь клетки, сквозь нейроны. Он чувствует её каждой частью тела. Она холодная, но не обжигающая — холодная, как утренний кран в их старом блоке, как брызги, которые Марина разбрасывала по зеркалу.

Вода говорит с ним. Не голосом — ощущениями. Она показывает ему образы: Марина смеётся, Марина плачет, Марина дёргает его за рукав, Марина лежит под бетонной плитой, и из-под плиты сочится вода — кровь, смешанная с водой из прорванных труб, — и эта вода тоже что-то говорит, что-то важное, но он не может разобрать.

Потом вода меняется. Она становится рыжей — как мгла над Пустошью. И в этой рыжей воде появляются два силуэта. Анна. Екатерина. Они стоят по колено в воде и смотрят на него. У Анны — спокойное лицо. У Екатерины — испуганное. Но они не убегают. Они ждут.

— Ты не успел, — говорит вода голосом Марины. — Но ты ещё можешь успеть.

Он просыпается в холодном поту. Казарма темна. Ночной цикл. В динамиках шлема — только его дыхание. Он не снимает броню уже трое суток — не хочет, чтобы видели его лицо.

Вода помнит всё. Он тоже.

6. Восточный тоннель

Восточный эвакуационный тоннель был построен как последний рубеж. Диаметр — четыре метра, протяжённость — два километра двести метров. Он вёл от внешнего шлюза Убежища 24 к резервному выходу на поверхность — замаскированному бункеру в двадцати километрах от основного комплекса. По проекту, тоннель должен был выдержать прямое ядерное попадание. По факту — не выдержал даже внутренней аварии.

Впрочем, тоннель был ни при чём. Переборка рухнула не из-за взрыва — из-за вибрации. Реактор, уходя в неконтролируемый разгон, создавал сейсмические волны — слабые, но достаточные, чтобы стронуть с места старую бетонную плиту, державшуюся на честном слове и ржавых креплениях.

Соболев потом тысячу раз представлял: если бы они прошли на десять секунд раньше. Или на десять секунд позже. Если бы он не остановился поправить лямку рюкзака. Если бы Марина не споткнулась о чей-то чемодан. Если бы, если бы, если бы.

Все «если бы» мира не стоят одной рухнувшей переборки.

Он помнил тоннель в деталях. Аварийное освещение — редкие лампы, гораздо реже, чем в основных коридорах, — создавало полумрак, в котором лица людей казались серыми, неживыми. Стены были покрыты кабелями и трубами. Под ногами хлюпала вода — где-то прорвало коммуникации, и вода сочилась сквозь бетон.

Толпа двигалась быстро, но организованно — сказывались годы учений. Никто не кричал. Никто не толкался. Только топот сотен ног, только тяжёлое дыхание, только изредка — детский плач. Люди шли вперёд, к свету, к поверхности, к спасению. Они ещё не знали, что поверхность — это Пустошь. Что спасение относительно. Что из двух тысяч человек, вошедших в тоннель, до выхода доберутся полторы тысячи — а остальные пятьсот останутся там навсегда.

Марина держалась за его руку. Не за рукав — за руку. Он чувствовал её пальцы — маленькие, цепкие, горячие — даже сквозь перчатку. Она тяжело дышала, но не жаловалась. Она вообще редко жаловалась — даже когда было больно, даже когда было страшно. Только дёргала за рукав.

— Саша?

— Что?

— А мы правда спасёмся?

— Правда.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

Он нарушил обещание через двенадцать минут.

7. Переборка

В официальном рапорте Братства это назвали «обрушением несущей конструкции № 47-В на участке 0,7 км эвакуационного тоннеля Е-1». Сухо, безлико, технически точно. В рапорте не было ни слова о том, что под переборкой остались люди. Ни слова о том, что среди них была одиннадцатилетняя девочка со светлыми косами.

Соболев прочитал этот рапорт через год — когда уже был кадетом Братства, когда уже принёс Присягу, когда уже начал забывать. Он прочитал — и ничего не почувствовал. К тому времени он научился отсекать чувства. Это был первый урок, который Братство преподало ему после Исхода: чув-

ства мешают выживать. Чувства — это слабость. А слабость в Пустоши наказывается смертью.

Но в тоннеле, в те двенадцать минут между обещанием и его нарушением, он ещё не был кадетом. Он был просто перепуганным шестнадцатилетним парнем, который тащил на спине младшую сестру и верил, что всё будет хорошо.

Марина устала идти примерно через километр. Он посадил её на спину — она была лёгкая, килограммов тридцать, почти невесомая после всех тренировок, которым он себя подвергал. Она обхватила его шею руками, прижалась щекой к затылку.

— Саша, я устала.

— Я не устал. Держись.

— А мама нас догонит?

— Догонит.

— Точно?

— Точно.

Он врал. Он знал, что врёт. Но правда была слишком страшной, чтобы произносить её вслух.

Они прошли ещё метров триста. Впереди уже виднелся свет — тот самый резервный выход, тот самый замаскированный бункер. Люди впереди ускоряли шаг. Кто-то даже побежал. И тут —

Звук.

Сначала — низкий гул, как будто земля застонала. Потом — треск. Потом — грохот такой силы, что заложило уши.

Соболев не видел, как упала переборка. Он стоял слишком близко — и одновременно слишком далеко. Бетонная плита размером три на четыре метра сорвалась с креплений и рухнула ровно поперёк тоннеля, перегородив его от стены до стены, от пола до потолка. Она упала между ним и Мариной.

Нет — не так. Она упала не между ними. Она упала на них. Вернее — почти на них. Когда плита рухнула, Соболев каким-то чудом оказался по одну сторону, а Марина — по другую. Их разделило бетоном. Сорок сантиметров армированного бетона. Сорок сантиметров, которые стали бесконечностью.

Он помнил: обернулся — и увидел стену. Не переборку, не плиту — стену. Сплошную, серую, в мелких трещинах. Он не сразу понял, что произошло. Просто секунду назад Марина была рядом, а теперь её нет. Просто мгновение назад он держал её за руку, а теперь перед ним — бетон.

А потом он услышал крик.

8. Голос

Крик был не громким. Скорее — сдавленным, приглушённым бетоном. Но Соболев слышал его так ясно, как будто Марина стояла рядом.

— Саша! Саша, я здесь! Я здесь, Саша!

Он бросился к плите. Уперся руками в бетон — холодный, шершавый, в крошке. Попытался поднять. Бесполезно. Плита весила тонны. Он бил по ней кулаками, плечом, головой — бесполезно, бесполезно, бесполезно.

— Саша!

— Я здесь, Марина! Я здесь! Держись!

— Мне страшно, Саша!

— Держись! Я сейчас!

Он не мог ничего сделать. Он — шестнадцатилетний парень, сильный для своего возраста, но всё ещё просто парень, — не мог сдвинуть бетонную плиту ни на миллиметр. Он пытался подкопаться снизу — бетон уходил в пол. Пытался пролезть сверху — плита прилегала к потолку почти вплотную. Пытался найти лазейку сбоку — стены тоннеля были монолитными.

Не было лазейки. Не было выхода. Была только плита — и голос за ней.

— Саша, тут вода!

Он не сразу понял, что она имеет в виду. Вода — да, в тоннеле была вода, он помнил, что под ногами хлюпало. Но теперь воды становилось больше. Разорванные трубы продолжали изливать её в тоннель, и уровень медленно поднимался.

— Я вытащу тебя! Слышишь? Вытащу!

— Саша, вода холодная! Саша, я не хочу!

Он кричал. Она кричала. И вода поднималась.

Он не знал, сколько времени прошло. Может быть, пять минут. Может быть, пятнадцать. Время в тоннеле остановилось — или, наоборот, понеслось с невероятной скоростью, пожирая секунды, которые он не мог вернуть.

Потом пришли люди в комбинезонах Братства.

Они появились с той стороны, откуда он пришёл, — из Убежища. Четыре человека в серой униформе, с инструментами, с оружием. Лица закрыты респираторами. Один — старший, с нашивкой на рукаве — подошёл к Соболеву, который всё ещё бился о плиту в тщетных попытках её сдвинуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.